

С всероссийской выставки

**(впечатления, наблюдения, наброски, сцены и т.д.
От нашего специального корреспондента)**

20-е мая

.Я приехал в Нижний 15-го и на меня, нижегородца, знающего город, как свои пять пальцев, — он произвел странное впечатление чистотой, которая еще год тому назад совершенно не была ему свойственна, новыми зданиями, скверами, сетью проволок, опутавших его главные улицы, по которым проложена линия электрической железной дороги, и всей своей физиономией, благообразной, чистенько умытой, утопающей в смешанном аромате свежерастворенной извести, асфальта, масляной краски и, конечно, карболки.

Приятно было видеть все это внешнее благообразие, но скоро за ним почувствовалась фальшь, глубокая внутренняя ложь; грязь, гниль и сор, накопленный десятками лет, не уничтожен в течение одного года, и не только окраины города остаются в первобытночумазом виде, но и многие из бойких улиц центра все так же грязны и так же пахнут, как это было год, пять и десять лет тому назад.

И невольно вспоминаются наши волгари, люди «по старой вере» благочестивые, сытые, жестокие; люди, воруяющие сотнями тысяч, имеющие десятки барж и

пароходов и обсчитывающие своих рабочих на двугривенные: люди, от которых в будни пахнет дегтем, потом и кислой капустой и которые, надевая на себя в торжественных случаях вместо долгополых сюртуков и поддевок «цивильное» платье, и в цивильном платье остаются кулаками и сквозь тонкий аромат духов Аткинсона отдают скаредничеством и всеми специфическими запахами истых волгарей.

Город убил свыше трех млн. на придание себе благоустроенного вида: но, проезжая по его мостовым, все равно, как и в былые времена, испытываешь ощущение морской качки и ломоту в костях. <...>

2 июня

Выставка сильно-таки протекает. Небо чуть не ежедневно изливает на выставочную территорию целые моря воды — точно смыть с нее что-то хочет. Способы передвижения по выставке довольно-таки затруднительны! Электрическая дорога Подобедова и К° не действует еще, есть артель ребят, одетых в костюмы моряков и развозящих публику по дорожкам в трехколесных креслах. Но этих кресел мало, они дороги и вязнут в песке. Смотреть, как моряк натужится, стараясь спихнуть с места кресло с пассажиром, — неприятно, еще менее приятно слушать, как моряк при этом пыхтит. Отсутствие удобного передвижения сильно затрудняет осмотр такой громадной площади — дойдешь от входа, положим, до огнеупорных построек, и через полчаса надо уходить назад, потому что времени

для осмотра больше нет. Выставка открыта только с 10 до 6 ч.

Публика очень неохотно посещает выставку — далеко от города. Приезжих еще мало. И на выставке видишь «всех своих» — всюду экспоненты, «братья-писатели» и начальство.

Но поскольку публика есть, она собирается около трех облюбованных ею отделов — Средней Азии, Сибири и Крайнего Севера.<...>

В отделе Сибири внимание публики останавливают на себе два громадные золотые шара, поддерживаемые гномами. Шары, конечно, деревянные, покрытые сусальным золотом, но простая публика, читая маленькие ярлычки, приклеенные у подножья шаров, приходит в изумление и в восторге шепчет:

— Ба-атюшки! Золота-то сколько в Сибири.

На одном шаре надпись: «Шлиховое золото. Вес 9 580 пудов, стоимость его 191 200 000 р. Добыто в Нерчинском округе с 1835 г.». На другом:

«Золото, добытое с 1831 года в Алтайском округе. Вес 3687 пудов, стоимость 73 400 000 р.»

Около этих шаров, на двух больших черных столах, взятых за уровень моря, вылеплены рельефные карты названных округов. Лепка — превосходная, место рождения руд показано точно и ясно пестрыми, черными, серебряными и золотыми шариками, рассыпанными по горам. Вы видите, где добывается серебро, золото, уголь, самоцветные камни, и видите, что в обоих округах исследовано гор менее половины, что еще работы здесь хватит на века и сокровищ на сотни миллионов рублей. Большинство россыпей принадлежит кабинету его величества, являющемуся главным и самым интересным экспонатом отдела. Посредине отдела сложен красивый грот из всех

минералов, открытых до сей поры в округах. Представлено 44 породы. Грот производит чарующее впечатление. У входа в него помещен медальон работы Екатеринбургской гранильной мастерской, принадлежащей тоже Его Величеству. На овальной доске, из розового орлеца, помещен Императорский орел из яшмы. Работа — чудная и вообще работы Екатеринбургской мастерской поражают своей художественностью. Три рельефные панно, изображающие цветы и вырезанные из больших, крайне ценных кусков замечательного богатого красками орлеца положительно приводят в восторг своей чисто волшебной оригинальностью. Камню приданы такие мягкие формы, точно это не камень, точно из воска вылеплены эти фантастические узоры. <...> Вообще экспозиты кабинета чрезвычайно интересны: что ни вещь, — то редкость, или как образец творчества природы, или как образец работы человеческого ума и рук.

Но... мы не можем жить без «но». Нет никаких указаний на способ добычи и обработки руд, нет ничего, что бы уясняло дело горной промышленности в Сибири. Заведующий отделом — лицо мифическое, и видеть его удается редкому из смертных. Справок взять негде. Ходишь — видишь камни и изделия из камней, но как и какими инструментами достигаются эти удивительные эффекты? Неизвестно. Хоть бы в фотографиях представили последовательные изображения добычи и промывки золота, картину горной работы, жизни шахтеров, работу Екатеринбургской мастерской... было бы еще более интересно и поучительно видеть условия работы в Нерчинском и Алтайском округах в настоящее время, тем более интересно, что рассказы об этих

условиях носят почти всегда фантастически-ужасный колорит.

Просветить Россию, ознакомив ее с Сибирью, следует, особенно теперь, когда Сибирь по милости железной дороги подвинулась к нам так близко.

Сборник материалов к изучению истории русской журналистики.

М., 1956. Вып. III. С. 268, 269—271.